

Сербская церковь и национальная идея

Сербская православная церковь выступает как активный субъект политической и общественной жизни и одновременно с этим является объектом политических схем светских политиков и общественных деятелей | **МАРИЯ ФАЛИНА**

Одно из первых, пусть и поверхностных, впечатлений, которое оставляет Сербия, — это действительно православная страна, но в своем православии очень неоднородная. Относительное богатство церкви идет тут бок о бок с ее же бедностью и знаменитой скромностью покойного патриарха Павла. Агрессивный национализм одной части духовенства уживается с экуменическими проповедями другой. Купол собора Святого Саввы возвышается над Белградом, а стены, облицованные мрамором, слепят глаза на солнце; при этом здание Сербской Патриархии — более чем скромное как внутри, так и снаружи, охрана состоит из одного дружелюбного офицера, и войти внутрь может любой желающий. Каковы же на сегодняшний день основные вопросы, занимающие сербское общество и саму Церковь, когда речь заходит о религии и ее месте в современном мире?

Сербская церковь как общественный институт

Социологические опросы вновь и вновь свидетельствуют, что Сербская православная церковь (СПЦ) — один из самых авторитет-

ных и уважаемых общественных институтов в стране. По данным общеевропейских исследований взглядов и ценностей, почти 75 проц. населения в 2001 году и 80 проц. в 2008-м идентифицировали себя как верующие. При этом процент людей, считающих себя православными, выше — около 85 проц. на протяжении последних десяти лет¹. По данным последней официальной переписи 2011 года, 84,5 проц. считают себя православными христианами². В данном случае интересен не сам факт, что число православных превышает число верующих. Очевидно, что в Сербии, как и во многих других странах Восточной и Юго-Восточной Европы, конфессиональная принадлежность выполняет роль культурного и этнического маркера. Удивительно скорее то, что разрыв этот столь невелик. К примеру, в России за 2005 год аналогичная статистика выглядела так: 53 проц. и 79 проц. соответственно. Исследования 2010 года показывали схожие результаты: 75 проц. православных при 49 проц. верующих³. Статистика посещения богослужений в Сербии ставит под вопрос осознанность религиозности самими респондентами. По данным последних десяти лет, число регулярно посещающих богослужение остается очень низким, особенно в сравнении с общим числом верующих. Так, по данным 2008 года, чуть более 4 проц. ходили в церковь раз в неделю и менее полутора про-

ЧАСТЬ ДАННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БЫЛА ПРОДЕЛАНА В РАМКАХ ПРОЕКТА "NEGOTIATING MODERNITY: HISTORY OF MODERN POLITICAL THOUGHT IN EAST CENTRAL EUROPE" (NEGOTIATING.CAS.BG), ФИНАНСИРУЕМОГО ЕВРОПЕЙСКИМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ (EUROPEAN RESEARCH COUNCIL)

центров опрошенных посещают богослужения чаще раза в неделю. А по опросам 2010 года около 8 проц. посещают церковь раз в неделю и 4 проц. — более одного раза в неделю. Около половины опрошенных говорят о том, что посещают богослужения только по крупным церковным праздникам⁴. С этой точки зрения ситуация в России схожая: около 4 проц. посещает церковь ежедневно, столько же — раз в неделю, около 26 проц. — по большим праздникам и примерно такое же число — от случая к случаю⁵.

Многое из того, что связано с православным христианством в Сербии и непосредственно с СПЦ, вызывает если не бурные общественные дебаты, то во всяком случае острую реакцию одной из частей общества, будь то либералы, ориентированные на «европейские ценности», радикальные сербские националисты или условно-умеренное большинство. Никто не отрицает тот факт, что присутствие религии в публичной сфере в виде выступлений официальных представителей Церкви и религиозной православной символики становится с годами все более заметным. Часть комментаторов считает, что это происходит в результате государственной политики, которая благоприятствует усилению церковных позиций в обществе в неожиданно высокой (и, по мнению многих, неоправданной) для светского государства степени⁶. Тем не менее интенсивность обсуждения церковных сюжетов постепенно снижается. Объяснить это можно тем, что общество, с одной стороны, устало от накала страстей и непрерывного обсуждения религии в течение последних двух десятилетий и в общем-то хочет стабильности и спокойного поступательного развития. А с другой стороны, в распоряжении аналитиков, исследователей и широкой публики нет терминологического аппарата и словарного запаса, которые позволили бы вывести на новый уровень старые нерешенные вопросы.

Один из источников напряженности в разговорах о церкви и религии кроется в событиях Югославского кризиса 1990-х годов. Именно тогда прочно закрепилось мнение, что сербов, хорват и боснийцев-мусульман различает и разделяет в первую очередь религия. В результате религиозная принадлежность стала в глазах многих идентичной национальности, а сам конфликт, по сути политический, часто называют религиозной войной. Одной из характерных черт военных действий было нарочитое разрушение религиозных сооружений (церквей, мечетей, синагог) противоположной стороны. В 1990-е особенно остро эта проблема стояла в тех областях Боснии и Герцеговины, где население смешанное, и в отдельных районах Хорватии, а в 2000-е годы — в Косово. Христианские церкви и мусульманские мечети однозначно воспринимались воюющими сторонами как знаки территориального присутствия и доминирования, а раз так — символы противника должны быть разрушены. Такое «архитектурное противостояние» продолжается и в постконфликтных областях. Например, весной нынешнего года возобновился конфликт вокруг строительства православного храма в непосредственной близости от массовых захоронений и мемориала в Сребренице, что, по мнению боснийских властей, является провокацией со стороны сербов.

Роль религиозных лидеров в ходе конфликта 1990-х до сих пор по большому счету не определена. При этом в исторической перспективе корни многих вопросов уходят в начало XX века, во времена Королевства Югославия. После развала социалистической Югославии в начале 1990-х годов Сербия вступила в длительный период государственного строительства и национального становления со всеми сопутствующими процессами реформ и мифотворчества. Создание по факту нового государства в значительной

мере опиралось на воображаемое «возвращение к истокам». Православное христианство и СПЦ как главный его институт играли важную роль в данном процессе. Нужно отметить, что эта роль была и остается двойкой: СПЦ и духовенство выступают как активный субъект политической и общественной жизни и одновременно с этим являются объектом политических схем светских политиков и общественных деятелей. Последнее в основном касается политиков националистического толка, которые активно и довольно успешно используют авторитет и символический капитал СПЦ в своих целях. Всплеск подобного отношения был особенно заметен зимой-весной 2008 года, когда Косово в одностороннем порядке объявило о своей независимости от Сербии, о чем более подробно — ниже.

Церковь и школа

Согласно Конституции, Сербия — светское государство, в котором церковь отделена от государства, а школа — от церкви. Ни одна из признаваемых религий не является государственной. При этом из всего многообразия религий и религиозных организаций выделены семь так называемых «традиционных для Сербии религий», чей особый статус объясняется их историческим присутствием на территории межвоенного королевства Югославия: Сербская православная церковь, Римская католическая церковь, мусульманская община, еврейская община, а также три протестантские церкви. Именно им было предоставлено право вести уроки религиозного обучения в государственных школах (подробнее об этом — чуть позже).

Одним из первых масштабных преобразований после переворота 5 октября 2000 года и установления демократических правил политической жизни были изменения в сфере образования, начатые правительством Зорана Джинджича, которые были призваны

укрепить демократическое направление развития Сербии. Неожиданным результатом этих перемен стало введение курса религиозного образования в государственных начальных и средних школах, который не считался обязательным, а преподавание было организовано по конфессиональному признаку. Уже осенью 2000-го СПЦ выступила с предложением вернуть после пятидесятилетнего перерыва уроки религии в школьную программу. Последние элементы религиозного обучения были выведены за пределы государственных образовательных институтов в 1952 году. В 1990-е СПЦ несколько раз выступала с подобным предложением, однако правительство Слободана Милошевича успешно его игнорировало.

Летом 2001 года правительство обнародовало решение о включении уроков религии в учебные планы школ. Семь «традиционных» религиозных групп получили право вести эти уроки при условии, если в школе наберется достаточное количество заинтересованных учеников. Очевидно, что религиозные меньшинства располагали такой возможностью только в областях их компактного проживания. Одновременно был введен альтернативный предмет, предназначенный для тех школьников, кто решил не посещать уроки религии. В первые месяцы своего существования он был известен под названием «альтернативный предмет», однако со временем закрепилось название «Гражданское образование». Предмет был посвящен тому, как функционируют личные и горизонтальные общественные связи, а также гражданским правам и активизму. Согласно первоначальному плану, посещение курса было необязательным. Однако столкнувшись с тем, что интерес к новому предмету со стороны школьников и их родителей оказался крайне низким, уже на следующий год министерство сделало курс обязательным, оставив выбор предмета на усмотрение школьников. Предметы пред-

ставляли собой именно альтернативу друг другу, поскольку посещение обоих уроков было невозможно — что вызвало закономерную критику со стороны общественности.

Решение правительства было оспорено в Конституционном суде правозащитными организациями по целому ряду вопросов. Основное беспокойство вызвали возможные нарушения принципа отделения церкви от государства, с одной стороны, и конституционного права всех религиозных групп на равенство перед законом — с другой. КС принял решение, что реформа не противоречит Конституции, и оставил новое законодательство без изменений. Либеральное правительство, утвердившее реформу, не скрывало, что решение по сути является тактической уступкой СПЦ с целью ее умиротворения после того, как Милошевич был экстрадирован в Гаагу, о чем открыто говорил один из лидеров «Демократической оппозиции Сербии» и впоследствии вице-премьер Чedomир Йованович⁷. Помимо того, правительство, ориентированное на Европу, надеялось, с одной стороны, привлечь таким образом сторонников «традиционных ценностей», а с другой — подчеркнуть новую свободу религиозных общин, которой те были лишены в предшествующее десятилетие авторитарного правления Милошевича.

Критически настроенные комментаторы отмечали, что вопрос о введении уроков религии в школе является сугубо политическим, свидетельствует о сближении церковных верхов и государственных руководителей, но не имеет прямого отношения к собственно религии. Так, один из критиков реформы Мирко Джорджевич, апеллируя к авторитету католического теолога-францисканца, писал, что «место религии в общине, а не в школе». Джорджевич также отмечает, что и во времена социалистического государства священники находили способы окормлять паству, в том числе и молодых людей,

даже не приближаясь к школам⁸. Важно отметить, что у реформы были светские сторонники, которые активно поддерживали тесное сотрудничество церкви и государства. В их глазах подобная кооперация гарантировала невозможность возвращения коммунизма, а также могла послужить основой для создания новой национальной и государственной идеологии. Эта группа возлагала свои надежды скорее на Воислава Коштуницу, чем на премьер-министра Джинджича. Звучали даже предложения, что новый предмет должен называться «Национальное воспитание». С точки зрения многих политиков либерального толка, именно реформа образования и введение уроков религии стали прецедентом, позволившим православной церкви достигнуть небывалого уровня общественного влияния и авторитета. Сегодня, несмотря на то что со времени принятия решения прошло более десяти лет, общественная дискуссия по этому вопросу продолжается с различной степенью интенсивности, а общественное мнение остается разделенным на два лагеря — противников и сторонников нововведения⁹.

Юридический статус СПЦ

После убийства в 2003 году Зорана Джинджича к власти пришел Воислав Коштуница — политик более склонный к «традиционным национальным ценностям». Коштуница на протяжении своей длительной политической карьеры не раз будет выступать как союзник СПЦ по разным вопросам, а также активно использовать моральный авторитет Церкви для усиления собственного политического влияния. Так, в 2004 году был предложен новый «Закон о свободе религии, церквей, религиозных общин и религиозных ассоциаций», в котором предусматривались значительные уступки СПЦ со стороны государства, в частности духовенство выводилось из-под юрисдикции гражданских судов. В таком виде закон встретил ожесточенное сопротивление

и был значительно переработан. В следующей редакции СПЦ обтекаемо называлась *primus inter pares* по отношению к остальным религиозным общинам страны, что в реальности означало привилегированное положение и особую поддержку государства. Специальное Министерство религиозных дел де-факто выступало в роли связующего звена между структурами СПЦ и государством¹⁰. Либеральная оппозиция, а также профессиональное академическое сообщество, особенно специалисты по праву, подвергли критике весь законодательный процесс. Его непрозрачность, вплоть до отсутствия информации о том, кто участвовал в создании законопроекта, вызывала закономерное недовольство, которое только усиливалось в связи с очевидной предвзятостью министра религиозных дел. Милан Вукоманович, профессор социологии в Белграде, язвительно заметил в одной из своих критических статей, что министр в многочисленных интервью говорил о четырех ветвях власти: законодательной, исполнительной, судебной и духовной, за что и получил Орден Святого Саввы — высшую награду СПЦ¹¹.

СПЦ в политической жизни Сербии

Участие СПЦ в политической жизни — предмет острых дискуссий, в которые вовлечены, кажется, представители всех возможных групп и мнений. Все обсуждаемые вопросы можно разделить на две связанные между собой категории. Первая — о роли религии вообще и СПЦ в частности в конфликтах 1990-х годов. Здесь главная тема — национальная. Вторая включает вопросы более широкого плана: о свободе религии, светском обществе и цивилизационных ценностях. Очевидно, что позиция выступающего на тему ценностей и роли СПЦ в жизни сербского общества сегодня в значительной степени сформирована под влиянием представления о том, чем Церковь занималась в 1990-е.

Не вдаваясь в подробности событий конца XX века, можно кратко резюмировать, что роль СПЦ в этнических конфликтах была неоднозначна¹². Это верно как относительно высшего духовенства, говорившего от лица всего института и всей общины верующих, так и приходских священников на местах. Неоднозначное впечатление, которое производит СПЦ, в большой мере связано с фигурой покойного Патриарха Павла (1914—2009). «В мучительные годы распада государства, на фоне преступлений, которые шокировали мир, — пишет Мирко Джорджевич, — покойный патриарх не знал, как себя вести. Он публиковал предостережения, никак нельзя сказать, что он этого не делал, но его братья-архиереи, по крайней мере значительная их часть, не скрывали своих воинственных намерений. Они молились не Иисусу мира и истины, они поклонялись балканскому Марсу»¹³.

Одним из самых громких и скандальных свидетельств участия православного духовенства в военных преступлениях во время распада Югославии стала видеозапись расстрела шести боснийских мусульман бойцами сербских формирований в Сребренице в 1995 году, за несколько дней до массового убийства 8 тысяч боснийцев. На видео, впервые обнародованном в 2005-м в ходе суда над Слободаном Милошевичем в Гаагском трибунале, запечатлен православный священник — иеромонах Гаврило из Шида, благословляющий сербских бойцов из отряда «Скорпионы» перед операцией. Видео было показано на центральных каналах сербского телевидения и вызвало новый виток общественной дискуссии о правых и виноватых, а также о роли церкви и религии в конфликтных зонах и постконфликтных ситуациях. Особое недовольство общественности было связано с тем, что первая официальная реакция СПЦ последовала только спустя десять дней после демонстрации этих кадров по телевидению.

Но даже появившееся обращение Патриарха Павла «Господи, не допусти повторения» не давало ответов на острые вопросы.

Самый заметный и наиболее проблемный аспект публичной политической деятельности СПЦ — ее позиция по национальному вопросу. Притом что в Сербии нет ни одной политической партии, основанной по религиозному принципу, присутствие СПЦ в политической жизни сложно игнорировать. Часть высшего духовенства занимает активную националистическую позицию, и

Позиция СПЦ по национальному вопросу и то, как политики используют церковь в своих целях, четко видны на примере проблемы Косово¹⁵. Парадоксально, но случай Косово, с точки зрения национальных и политических амбиций СПЦ, представляет собой более простой материал для анализа, нежели история взаимоотношений СПЦ с Македонией или Черногорией. В двух последних случаях, помимо национальных интересов государства Сербия, большое значение имеют вопросы церковной юрис-

“Часть высшего духовенства занимает активную националистическую позицию, и именно эти голоса слышны громче всех в общественной сфере”.

именно эти голоса слышны громче всех в общественной сфере. С ними ведут полемику либералы, ориентированные на светское государство и секуляризацию и считающие, что религиозные убеждения — дело сугубо личное и, соответственно, не должны выходить за пределы частной жизни. Конечно, со стороны церкви раздаются и голоса, призывающие к диалогу и мирному сосуществованию соседей, подчеркивающие длительную балканскую традицию полиэтничности. Однако они едва заметны на фоне остальных выступающих. С точки зрения той части общественного мнения, что настроена наиболее воинственно по отношению к СПЦ, возрождение церкви и возвращение религии в повседневную жизнь вплотную связаны с ростом агрессивного национализма, с консервативной общественной политикой и с отсутствием перспектив европейской интеграции. Такое отношение лишь отчасти основано на реальной политической деятельности представителей СПЦ. Большую роль здесь играет и общепринятое мнение, что религия не совместима с современным демократическим и либеральным обществом¹⁴.

дикции, канонического права, отношений с Вселенским Патриархатом и Русской православной церковью.

Чтобы понять, что значит Косово для сегодняшней политической ситуации в Сербии, необходим краткий исторический экскурс. Косовская битва (15 июня 1389 года по старому стилю, 28 июня по новому — день Святого Вита) лежит в центре знаменитого Косовского эпоса или мифа. На Косовском поле, неподалеку от сегодняшней Приштины, сразились войска сербского князя Лазаря с союзниками и армия султана Мурада I. Обе стороны понесли огромные потери, ни Лазарь, ни Мурад не пережили битвы, однако в резерве у осман оставались многотысячные войска, в то время как ресурсы сербов оказались истощены. Вскоре после битвы последние независимые христианские княжества на Балканах стали вассалами Османской империи, что, по сути, означало прекращение независимой государственности на следующие четыреста с лишним лет. Князь Лазарь был причислен к лику православных святых уже в конце XIV века, к тому же времени относятся и первые дошедшие

до нас тексты из Косовского цикла. Согласно легенде о Косовской битве, которая, судя по всему, обрела свой законченный вид только в XIX веке, перед битвой Лазарю явился ангел, который предложил ему выбрать между царством земным и Небесным. Лазарь, как и положено христианину, выбрал Царство Небесное и вечное спасение для себя и своего народа и повел свои войска в бой, зная, что проиграет и погибнет. С XIX столетия, когда начал формироваться сербский национализм, тема Косово, «Небесной Сербии» и избранности сербского народа заняла важное место в национальном самосознании сербов.

конфликт в Косово для укрепления своего положения и мобилизации населения в свою поддержку. Конфликт возник на фоне усиления автономии Косово после принятия новой конституции СРФЮ в 1974 году и дальнейшего лишения края специального статуса в начале 1989-го. В 1982 году часть высшего духовенства СПЦ, включая видных теологов, обратилась к руководству Югославии и Высшему Синоду СПЦ с петицией «о защите духовного и биологического существования сербов в Косово», положив начало целой серии публичных обращений как внутри страны, так и за

“С конца 1980-х риторика сербского мученичества и приобретенного вместе с ним морального превосходства — одна из центральных в политическом дискурсе Сербии”.

Состав населения на территории современного Косово резко поменялся на рубеже XVII и XVIII веков. Тогда славянское население области, которая в средние века была сердцем сербской государственности и культуры, снялось с насиженных мест и под предводительством патриарха Арсения Чарноевича массово переместилось на север, в южную Венгрию (сегодняшняя автономная область Воеводина в составе Сербии), забрав с собой мощи святого князя Лазаря. Сербь бежали, опасаясь мести османов за помощь, оказанную ими австрийским войскам в ходе австро-турецкой войны. Центр сербской политической и культурной жизни переместился на север — в Будапешт, Новый Сад и Белград. К началу XX века более половины населения Косово декларировали себя как албанцы, и их число неуклонно росло на протяжении всего столетия.

Когда в конце 1980-х национализм вновь стал важным политическим фактором в жизни Югославии, Милошевич решил использовать назревающий этнический

рубежом с целью обратить внимание на судьбу и ухудшающееся положение сербов в Косово и Метохии. Большая часть этих обращений подчеркивала многовековую историю притеснения сербов и в общем и целом подготавливала читателя к возвращению СПЦ роли «защитника нации», ни разу не предавшего свой народ¹⁶.

28 июня 1989 года, в рамках официального празднования 600-летия Косовской битвы (по разным оценкам на праздновании присутствовало от 500 тыс. до двух млн человек), Милошевич произнес свою знаменитую речь в Газиместане, которую многие исследователи берут за символическую отправную точку развития этнических конфликтов в Югославии. В течение многих месяцев, предшествовавших празднованию, мощи Св. Лазаря возили по всей стране, а затем святыня была торжественно возвращена в монастырь Грачаница в Косово. Патриарх Герман и высшее духовенство СПЦ присутствовало не только на самом праздновании, но и принимали активное участие в его подготовке.

Николай Велимирович: идеолог радикального национализма или национальный святой?

Главная фигура, с которой связаны многочисленные дискуссии в последние годы — архиепископ Николай Велимирович (1882—1956). Велимирович, или отец Николай, как его обычно называют в Сербии, без сомнения, один из самых авторитетных и известных героев сербской истории XX века. Прекрасно образованный и талантливый теолог, человек незаурядной харизмы, Велимирович прославился своими проповедями, за которые его до сих пор называют сербским Иоанном Златоустом. В 1930-е годы Велимирович вместе с учениками и единомышленниками сформулировал главный политический проект сербского православия — слияние сербской национальной идеи и (довольно оригинально понятых) ценностей христианства. Радикальному национализму Велимировича сопутствовали отрицание «западных ценностей» и антисемитизм, что привело его к сотрудничеству с лидером сербского фашистского движения Збор Димитрием Летичем. Тем не менее Велимирович был одним из вдохновителей государственного переворота 27 марта 1941 года, в результате которого договор со странами Оси был разорван и Югославия вступила во Вторую мировую войну. После установления режима Тито Велимирович эмигрировал в США, где и умер, и

был похоронен; на родине он был провозглашен фашистом и де-факто вычеркнут из интеллектуального наследия.

Ситуация начала меняться к середине 1980-х и достигла кульминации в мае 2003 года, когда Ассамблея Епископов СПЦ единогласно проголосовала за включение Николая Велимировича в ранг национальных святых. Это решение, принимая во внимание неоднозначное наследие и жизненный путь Велимировича, вызвало недоумение, недовольство и даже возмущение части сербского общества. Популярность Велимировича была и остается феноменальной: новые издания его книг продаются миллионными тиражами, а в 2001 году одна из рок-групп записала альбом по его религиозной поэзии. Видные общественные деятели и политики, включая популярного в свое время премьер-министра Коштуницу, неоднократно публично заявляли о том, что мудрость отца Николая может послужить хорошим путеводителем, эталоном национальной и моральной мысли в эпоху пост-Милошевича.

Со стороны либеральной части сербской элиты раздавались беспокойные голоса в связи с тем, что превращение главного идеолога сербского антисемитизма в национального героя не может служить основой для поступательного развития страны и ее интегра-

ции (или возвращения) в Европу. Главным камнем преткновения стала история о заключении Велимировича и тогдашнего патриарха Гаврило Дожица в концлагерь Дахау. Сторонники же отца Николая и его «духовные наследники» говорили о новом национальном мученике. Тем самым содержательное обсуждение идей Велимировича становилось невозможным. Следующий этап этой истории начался в 2006 году, когда доцент полицейской академии Предраг Илич опубликовал исследование, развенчивающее «миф о мученичестве» (*Ilič P. Srpska pravoslavna crkva i tajna Daहाuа. Beograd, 2006*). В своей книге Илич, который раньше не публиковал профессиональных исторических трудов, на основании множества документальных источников восстановил историю ареста двух архиереев в годы войны. Он пришел к выводу, что архиепископ и патриарх провели в Дахау около трех месяцев, были освобождены в результате сложных переговоров между немецкими властями и сербским коллаборационистским правительством, а находясь в лагере в ранге «почетных узников», были освобождены от работ. После публикации Илича обвинили в том, что он работает на секретные службы, а его цель — унижить и уничтожить СПЦ, равно как Велимирович был унижен и подвергнут мучениям в концлагере.

С конца 1980-х и по сей день риторика сербского мученичества, праведного страдания и приобретенного вместе с ними морального превосходства является одной из центральных в сербском политическом дис-

курсе. Попытки выйти за пределы этого дискурса и переориентировать политическую дискуссию из прошлого в будущее пока что по большей части оказываются неудачными. Празднование дня Св. Вита (*видовдан* — серб.)

в последнее десятилетие — это ежегодный вклад в развитие сербского национализма как политико-религиозного дискурса¹⁷.

Традиция интерпретации Косовской битвы как своеобразного сербского коллективного *Imitatio Christi* была заложена в 1930-е годы сербским архиепископом и теологом Николаем Велимировичем. Велимирович писал о Косово, которое «превратило сербов в великий народ», как о сербской Голгофе и в то же время как о «национальном воскресении, духовном и моральном»¹⁸. (Подробнее о Николае Велимировиче и его роли в форми-

независимых от Белграда. Патриарх Павел лично обратился к президенту и главе правительства с просьбой не подталкивать «оставшихся преследуемых и замученных сербов Косово и Метохии к участию в выборах». Президент Борис Тадич проигнорировал воззвание патриарха, а премьер-министр Коштуница откликнулся на него с энтузиазмом. Епископ Призрена назвал позицию президента постыдной. Год спустя, осенью 2005-го, СПЦ выступила с заявлением, посвященным переговорам о будущем статусе Косово, в котором говорилось, что

“Религиозный аспект оказался привлекательным и для тех, кто стремился подчеркнуть окончательный и бесповоротный разрыв с коммунизмом”.

ровании националистических идей см. подверстку на с. 97.)

Период относительного затишья в Косово после 1999 года был нарушен в марте 2004-го, когда сразу несколько ансамблей средневековых православных церквей и монастырей серьезно пострадали в результате нападения местного албанского населения. Местные жители отреагировали таким образом на гибель трех албанских подростков, подозревая, что к их смерти причастны проживающие в Косово сербы. Сербские силы националистического толка активно использовали эту трагедию в целях антиалбанской мобилизации. Неоправданно агрессивные действия албанцев были представлены как еще один эпизод в многовековой истории «страдающей Сербии».

В преддверии выборов в Косово осенью 2004 года Синод СПЦ опубликовал обращение ко всем политическим силам Сербии не призывать этнических сербов, проживающих на территории Косово и Метохии, к участию в голосовании и тем самым подорвать авторитет местных властей, де-факто

«отнятие Косово и Метохии у Сербии, как бы хорошо оно ни было замаскировано, по сути, все равно останется актом оккупации». Провозглашение независимости в феврале 2008 года не улучшило ситуацию. Одними из главных лозунгов сербских националистов (которых, надо сказать, весьма сложно отличить от политического истеблишмента) стали «Косово — это Сербия» и «Никогда не сдаваться», а СПЦ регулярно публикует призывы не оставлять Косово на произвол судьбы. Весной нынешнего года патриарх Ириной опубликовал письмо к правительству, в котором заявил, что Косово никогда не сможет быть «отдано, предано и продано». Либеральная пресса прокомментировала письмо в издевательском тоне, заметив, что если бы сербы следовали современному прочтению христианской теологии представителями СПЦ, то выглядело бы это примерно так: «Миром правят бесчестные НАТО, Ватикан и Брюссель, а мы, праведные сербы, их несчастные жертвы на протяжении веков. Но мы вернем себе наше Косово. Надо только подождать еще 500 лет»¹⁹.

На многочисленных митингах и демонстрациях против независимости Косово, прошедших в Белграде, видные политические деятели не упускали шанса поговорить о Косово как о «колыбели сербской культуры и цивилизации». Представители СПЦ активно поддерживали такую политику и риторику. Как мы видим, они продолжают выступать против признания независимости Косово, несмотря на очевидную политическую необходимость этого шага для вывода Сербии из политического тупика, в котором она находится последние годы.

«Возвращение к истокам»: проблема исторической памяти

Падение режима Милошевича в 2000 году наряду с новыми демократическими свободами принесло и новые вопросы, в том числе об исторической памяти и моделях для подражания. О дилеммах исторической политики, об использовании истории и ее интерпретации в постсоциалистических обществах в последние годы написано немало²⁰. Как стало понятно на примере реформы образования, возвращение религии в общественное пространство на деле оказалось куда более сложным и многогранным процессом, чем представлялось поначалу. Религиозный аспект оказался привлекательным для самых разных групп: для тех, кто стремился взять за образец для подражания воображаемые средние века; для сторонников восстановления православно-политического проекта СПЦ образца второй половины 1930-х; но также и для тех, кто стремился возродить городскую буржуазную культуру первой половины XX века и подчеркнуть окончательный и бесповоротный разрыв с коммунизмом. Таким образом, вопрос об исторических моделях стал органической частью дискуссии о месте религии в современном сербском обществе и вообще в мире и о том, какие задачи должна решать церковь в первую очередь.

Одним из наиболее заметных (в прямом и переносном смысле) эпизодов «возвращения прошлого» стало решение о возобновлении строительства Храма Святого Саввы на холме Врачар в Белграде. Собор был заложен в конце 1930-х годов на месте, где предположительно турки-османы в конце XVI века сожгли мощи святого Саввы. Начало Второй мировой войны помешало строительству, к апрелю 1941-го стены возвышались над поверхностью земли всего на несколько метров. В 1988 году, на волне подъема сербского национализма, работы были возобновлены после полувекового перерыва. Для СПЦ, как и для многих сторонников радикального национализма, руины недостроенного храма были «как открытая рана» и служили напоминанием о страданиях сербского народа (что на фоне развивающегося конфликта в Косово приобретало все большую политическую актуальность). Митрополит Амфилохие, один из наиболее активных церковных иерархов, говорил о возрождении и воскресении не только собора, но и всей сербской нации, о строительстве собора как о «вызове и призыве к радикальным изменениям и трансформации мысли, знания и способностей [всего народа]»²¹. С началом конфликтов 1990-х строительство было вновь приостановлено, но вскоре после переворота 2000 года возобновлено. Личное активное участие в процессе принимал премьер-министр Джинджич, хотя он неоднократно публично заявлял, что не религиозен. Таким образом, несмотря на мощную ассоциацию с византийской исторической и культурной традицией, которая свойственна скорее консервативно-националистической части политической элиты, собор Св. Саввы является одним из тех символических объектов, на который могут «претендовать» разные группы. Государственные похороны убитого премьера-министра Зорана Джинджича, самого «западного» политика Сербии, прошли в еще строящемся соборе.

Многое в церковной политике и публичных заявлениях СПЦ вызывает недовольство наиболее активной и прогрессивно настроенной части сербского общества и интеллектуальной элиты. Одна из причин этого недовольства — уверенность, что религиозным институтам не место в политической жизни. Между тем подобные соображения зачастую формулируются не напрямую, а посредством критики действий и позиции церкви во время войн 1990-х годов. На другой стороне баррикад находится не масса сербских православных, а скорее несколько общественных организаций, пропагандирующих «православный образ жизни». Одна из них — «Сербские двери». Эта организация, работающая по благословению Сербской Патриархии, регулярно устраивает семинары в стенах Университета Белграда и активно пропагандирует «формирование православной общественности». Стоит заметить, что предыдущая подобная попытка предпринималась во второй половине 1930-х, на пике влияния СПЦ в обществе. Этот период представляет собой одну из главных точек отсчета для тех, кто говорит о «возрождении сербского православия» и особой сербской духовности. Именно в межвоенный период

была сформулирована идея *светосавлје* — своеобразной смеси православия и сербского национализма ²².

Подытоживая сказанное, можно отметить, что с падением авторитарного режима Слободана Милошевича Сербия вошла в новый период политического развития, что сказалось и на положении СПЦ. За первое десятилетие нового века сербская церковь значительно усилила свои позиции в обществе, что стало возможным во многом в результате благоприятствующей государственной политики. Удивительно, но и первое демократическое правительство под руководством Зорана Динджича, и следующие кабинеты министров под руководством Воислава Коштуницы способствовали этому процессу. Мотивация их решений была тем не менее различной. В то время как Коштуница и более радикальные сербские националистические силы видели в СПЦ мощного союзника в борьбе за восстановление «былого национального величия» и укрепление моральных основ общества, Динджич и ориентированные на Европу либералы воспринимали возвращение церкви в общественную сферу как окончательный разрыв с социалистическим прошлым. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Blagojević M.* O sociološkim kriterijumima religioznosti. Koliko ima (pravoslavnih) vernika danas? // *Filozofija i društvo*. 2009. No. 1. С. 9–37. С. 16.

² Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Т. 4. Вероисповест, матерњи језик и национална припадност. Подаци по општинама и градовима. Београд: Републички завод за статистику, 2013. С. 46.

³ Результаты опросов 2010 года на сайте ВЦИОМ (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13365>); *Кофанова Е.Н., Мчедлова М.М.* Религиозность России и европейцев // *Мониторинг Общественного Мнения*. 2010. № 4 (98) Март-апр. С. 201–230.

⁴ *Blagojević M.* O sociološkim kriterijumima religioznosti. С. 19; *Idem.* Orthodox Religiousness at the End of the First Decade of the 21st Century // *Orthodoxy From an Empirical Perspective* / M. Blagojević, D. Todorović (eds). Beograd-Niš: Yugoslav Society for the Scientific Study of Religion; Institute for Philosophy and Social Theory, 2011. P. 89–99. P. 93–94.

⁵ Результаты опросов 2006, 2009 и 2010 годов на сайте ВЦИОМ (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13365>) и за 2012 год (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112543>)

⁶ *Vukomanović M.* The Serbian Orthodox Church as a Political Actor in the Aftermath of October 5, 2000 // *Politics and Religion*. 2008. No. 1. P. 237–269. Особенно с. 254.

⁷ *Ibid.* P. 242.

⁸ *Djordjević M.* Veronauka kao politika. Впервые опубликовано в газете «*Republika*» в 2001 году. Цит. по: *Djordjević M.* Kišobran patrijarha Pavla. Beograd: Peščanik, 2010. С. 189–191.

⁹ *Bacevic J.* From Class to Identity: Politics of Education Reforms in Former Yugoslavia. Budapest; N. Y.: CEU Press, 2013. Особенно гл. 3. Неопубликованный манускрипт с разрешения автора.

¹⁰ *Vukomanović M.* Op. cit. P. 243.

¹¹ *Ibid.* P. 247.

¹² Как пример относительно непредвзятого анализа см.: *Perica V.* Balkan Idols: Religion and Nationalism in Yugoslav States. Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 2002.

¹³ Цит. по: *Djordjević M.* Kišobran patrijarha Pavla. Beograd: Peščanik, 2010. С. 127–129.

¹⁴ Нужно заметить, что подобное отношение распространяется и на другие христианские церкви. См., например: *Djordjević M.* Sekularizam i klerikalizam // *Republika*. 2005. No. 370–371.

¹⁵ Гуманитарная катастрофа и политический конфликт в Косово, развернувшиеся на фоне острого и длительного конфликта между косовскими албанцами и сербами, держит весь регион в напряжении почти 20 лет. Тысячи албанцев и сербов были вынуждены уехать, став беженцами. В 1999 году ООН и международное сообщество приняли решение применить военную силу против правительства Милошевича с целью предотвратить «вторую Сребреницу». Войска НАТО нанесли авиаудары по Белграду и ряду важных промышленных центров в Сербии. В Косово были введены миротворческие войска ООН, а функции местного правительства перешли к Миссии Организации

Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово (*UNMIK*). В 2008-м Косово заявило о выходе из состава Сербии в одностороннем порядке. Вопрос о признании независимости Косово до сих пор является одним из самых болезненных как в политических дебатах внутри Сербии, так и в процессе переговоров о вступлении Сербии в ЕС.

¹⁶ Более подробно об этом см.: *Radić R.* The Church and the Serbian Question // *The Road to War in Serbia: Trauma and Catharsis / Nebojsa Popov* (ed.). Budapest: CEU Press, 2000. P. 247–273.

¹⁷ *Čolović I.* Vidovdan // <http://pecsanik.net/2010/07/vidovdan/>.

¹⁸ *Velimirović N.* Kosovo i Vidovdan // *Glas crkve*. Šabac, 1988.

¹⁹ *Bacapa C.* Иринеј нови богослов // <http://pecsanik.net/2013/04/irinej-novi-bogoslov>.

²⁰ Напр.: *Past in the Making: Recent History Revisions and Historical Revisionism in Central Europe After 1989 / Copeček Michal* (ed.). Budapest; N. Y.: Central European Univ. Press, 2008; а также номер *Pro et Contra*, посвященный теме исторической политики: *Pro et Contra*. 2009. № 3–4 (46).

²¹ *Radović A.* Duhovni smisao hrama Sv. Save na Vračaru u Beogradu // *Gradac (Čačak)*. 1988. Vol. 82–83–84. P. 185. Позднее эта статья была издана отдельной книгой. Более подробно об истории строительства собора см.: *Aleksov B.* Nationalism in Construction: The Memorial Church of St. Sava on Vračar Hill in Belgrade // *Balkanologie*. 2003. Vol. VII/2. P. 47–72.

²² Само слово «*светосавље*» происходит от имени Св. Саввы — основателя сербской православной церкви и святого покровителя сербского народа.